

На правах рукописи

ГАНИЕВ Рустам Талгатович

**ВОСТОЧНО-ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ
В ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВВ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2006

Работа выполнена на кафедре истории России в ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А. М. Горького».

Научный руководитель — кандидат исторических наук,
профессор **Б. Б. Овчинникова**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
В. В. Трепавлов,

доктор исторических наук,
профессор **А. Г. Нестеров**

Ведущая научная организация — ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится «___» _____ 2006 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А. М. Горького» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета имени А.М. Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В. А. Кузьмин

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Среди племен, населявших северные окраины Центральной Азии и Южную Сибирь, ведущее место в эпоху сложения государств принадлежало восточным тюркам (кит. — туцзюэ), которые явились создателями такого могущественного объединения как Восточно-тюркский каганат и которые даже после его распада продолжали оказывать существенное влияние на историю степей Евразии.

Со второй половины VI в. Восточно-тюркский каганат уже вошел в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китайской империи. Безусловно, появление на исторической арене такой державы привлекло внимание его соседей и вызвало повышенный интерес к создателям данного государства. Не случайно вот уже на протяжении ряда столетий тюркская тематика привлекает к себе интерес не одно поколение исследователей и до сих пор остается актуальной в российской истории.

Проведенные в последние годы изучения в области тюркологии и появившиеся возможности привлечения новых источников по истории тюркоязычных племен Южной Сибири и Центральной Азии требуют введение их в научный оборот. Это обусловило актуальность темы настоящего исследования, которая определяется тем, что, несмотря на неоднократное обращение предшественников к ней, все же до сих пор она остается до конца не изученной как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Вероятно, это связано с тем, что древние тюрки долгое время рассматривались лишь только как соседи Китая, Византии, Ирана и их история изучалась неразрывно от судьбы этих народов. Однако сегодня, на наш взгляд, особенности взаимоотношений «больших» и «малых» этносов в контексте проблемы культурно-исторического единства Евразии являются актуальной проблемой. Часть этой проблемы можно раскрыть при изучении таких вопросов как социально-политическая и экономическая структуры Восточно-тюркского каганата. Кроме того, следует отметить, что история непосредственно Восточно-тюркского каганата до сих пор не нашла должного освещения в монографических исследованиях.

Собственно научная актуальность работы также связана с наблюдающимся в последние годы оживлением дискуссии историков и археологов о термине степная или кочевая «империя» применительно к этим государствам.

Объектом исследования является Восточно-тюркский каганат в период второй половины VI — первой половины VIII вв., расположенный на территории Саяно-Алтайского нагорья. Образование любого поли-

тического объединения является результатом нормального эволюционного развития общества, и с этой точки зрения государство – это более высокая ступень организации общества, которая преследует определенные цели и выполняет свои функции. Восточно-тюркский каганат также обладал всеми необходимыми признаками и функциями государства.

Предметом исследования служат структура и механизмы становления и развития Восточно-тюркского каганата. В этой связи изучаются особенности социальной организации и общественной структуры, система власти и динамика экономического развития. Восточно-тюркский каганат рассматривается как сложившееся степное государство в Южной Сибири и северных окраинах Центральной Азии в VI–VIII вв., занимавшее определенное положение среди мировых цивилизаций.

Географические рамки исследования ограничены районами Южной Сибири и северными окраинами Центральной Азии – территорией, на которой, согласно письменным источникам, можно локализовать Восточно-тюркский каганат: северные границы каганата достигали Байкала, южные – Северного Китая, западные – Восточного Казахстана, включая Туву и Алтай, восточные – Большого Хингана. Известно, что любое государство имеет политические границы, которые являются результатом проводимой политики, а также естественные границы, географические, которые более устойчивы, чем первые.

Хронологические рамки работы охватывают период существования Восточно-тюркского каганата (581–745 гг.) Однако ранняя дата несколько снижается – до 545 г., так как период существования Тюркского каганата (545–581 гг.) явился одной из главных предпосылок в формировании Восточно-тюркского государства. Верхние рамки исследования установлены согласно письменным источникам, когда в 745 г. государство древних тюрков было уничтожено уйгурами.

Степень изученности темы. Специальной работы, посвященной истории непосредственно Восточно-тюркского каганата, не существует. Одной из важных проблем, присущей как отечественной, так и зарубежной школе тюркологии, является общий характер исследований по тюркской тематике. В большинстве случаев, ученые изучают сквозную историю кочевников на всей территории Евразии, от Тихого океана до Каспийского моря. История Восточно-тюркского каганата, в лучшем случае, занимает в трудах исследователей один из этапов евразийской истории, и опять же изучение преподносится через призму истории оседлых государств.

Таким образом, отсутствие монографии по истории Восточно-тюркского каганата еще раз свидетельствует о слабой изученности этой проблематики.

Цель диссертации заключается в определении места и роли Вос-

точно-тюркского каганата в этнополитической истории степных империй средневековой Евразии.

Цель реализуется постановкой следующих **задач**: 1) осветить изучение китайских источников по истории древних тюрков в отечественной и зарубежной историографии. Особо уделить внимание на введение в научный оборот в качестве источника средневековых китайских известий по восточным тюркам, собранных Лю Маоцаем (L'iu Mau-Tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tu-küe)*. I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhänge. Index) // *Göttinger Asiatische Forschungen*, Band 10. Wiesbaden, 1958), полный перевод труда которого с немецкого языка осуществлен автором; 2) рассмотреть предпосылки возникновения и процесс формирования Восточно-тюркского каганата; 3) проанализировать социально-политическую структуру Восточно-тюркского каганата; 4) охарактеризовать экономическое развитие тюркского общества.

Методология исследования. Методологической базой проведенного исследования послужил комплексный подход. С точки зрения комплексного подхода изучение истории Восточно-тюркского каганата осуществлялось с привлечением знаний экономических, политологических, социологических наук, а также смежных научных направлений — тюркской филологии, археологии, этнографии.

Также в диссертации использованы историко-сравнительный и историко-генетический методы. Историко-сравнительный метод, дающий возможность рассмотрения сущности изучаемых явлений по сходству и различию присущих им свойств, а также сравнения в пространстве и по времени, оказался продуктивным при проведении сравнительного анализа предыдущих политических образований на территории Центральной Азии, в частности, империи Хунну, а также более поздних, Уйгурского государства и т.д. и Восточно-тюркского каганата при сопоставлении социально-политических и экономических характеристик этих государственных образований.

Историко-генетический метод позволил проследить причинно-следственные связи и закономерности развития политических образований в Южной Сибири и северных окраинах Центральной Азии, а также выявить предпосылки их возникновения. Историко-типологический метод помог выделить характерные черты степных государств в Центральной Азии.

Применение названных выше методов было дополнено использованием методов общенаучных (анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации, статистического и динамического). Так, применение статистического метода позволило охарактеризовать интенсивность торговых отношений между тюрками и соседними государствами, а использование динамического метода — рассмотреть в истори-

ческой динамике развитие политической организации Восточно-тюркского каганата, а также социально-политические и экономические процессы внутри государства в их эволюции.

Источниковая база исследования. В основу изучения положены две категории источников: письменные, в том числе рунические надписи, и археологические. Однако заметим, что приоритет в работе отдается письменным источникам, которые и составляют основу исследования. Что же касается археологических материалов, то, в основном, они привлекаются как иллюстративное подспорье при характеристике социально-экономической структуры древнетюркского общества.

К письменным источникам следует отнести труд выдающегося русского синолога Н.Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» и работу Н.В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», в которых представлены переводы китайских династийных хроник.

В своих исследованиях современные ученые периодически обращаются еще к одному источнику, практически малоизвестному и менее доступному в отечественной историографии. Это история древних тюрков в изложении Лю Маоцая. Он опубликовал подборку китайских источников непосредственно по истории восточных тюрков в переводе с китайского языка на немецкий. Этот труд неоднократно привлекался востоковедами, но не в контексте общего содержания, а лишь фрагментарно (а точнее, ограничиваясь, порой, лишь цитатами). Отсутствие полного перевода всего текста на русском языке, естественно, затрудняло использование его как источника. Настоящее исследование выстроено с максимальным извлечением данных материалов из китайских известий, представленных в труде Лю Маоцая, перевод полного текста которого с немецкого языка на русский осуществлен автором данной работы. В результате чего в процессе изучения стали доступны следующие категории письменных источников: официальные китайские исторические произведения (династийные хроники), к которым относятся: «Чжоу шу», «Бэй Ци шу», «Суй шу», «Бэй ши», «Да Тан чуан-тье цизю чжу», «Цзю Тан шу», «Тан шу», «Цзю У дай ши», «У дай ши цзи», которые, в свою очередь, имеют четкую внутреннюю структуру. Они содержат императорские анналы и биографии; другие китайские исторические произведения, включающие в себя: «Тундянь», «Тан хуйяо», «У дай хуйяо», «Цзычжи-тунцзянь», «Цзычжи-тунцзянь гао-и»; китайские энциклопедии «Цэфу-юаньгуй» и «Гуцзинь-Тушу-цзичэн»; буддийские источники; официальные императорские письма, прошения к императору.

В комплексном исследовании существенную роль играют и данные археологии, полученные в последние годы. Несмотря на то, что в на-

стоящей работе они привлекаются, в основном, по опубликованным результатам, определенное место занимают и неопубликованные материалы, собранные в архивах Санкт-Петербургского института истории материальной культуры РАН и Уральского государственного университета имени А.М. Горького. К сожалению, по археологическим материалам до сих пор четко не выявлены памятники, отражающие историю древних тюрок периода VI — первой половины VIII веков. И в этом плане, приоритет письменных источников в области изучения вопросов, связанных с исторической судьбой Восточно-тюркского каганата, остается актуальным.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе комплексного рассмотрения круга письменных источников и данных эпиграфики и археологии предпринята попытка представить историческую судьбу непосредственно Восточно-тюркского государства. При этом анализируется роль различных факторов возникновения Восточно-тюркского каганата, а также выделяются этапы социального и политического развития, экономического уклада и внешних связей древних восточных тюрок. Данное исследование позволяет по-новому взглянуть на особенности социально-политического развития древнетюркского государства с применением современных методов социальной стратификации, а также дать наиболее полную картину экономической структуры древнетюркского общества с применением современных теорий экономики. Критический подход к анализу источников и литературы позволяет расстаться с некоторыми стереотипами, долгое время существовавшими в интерпретации сведений о древних тюрках вообще и о восточных тюрках в частности, и впервые обобщать возможность локализации этого государственного образования на основе имеющейся ныне источниковой базы.

Теоретическая значимость диссертации заключается в осмыслении места и роли Восточно-тюркского каганата в истории степных государств средневековой Евразии, выявлении предпосылок возникновения государства восточных тюрок, а также рассмотрении его социально-политической и экономической структур.

Практическая значимость работы. Авторские разработки и результаты данного исследования могут быть использованы в обобщающих работах по истории древних тюрок не только в рамках Восточно-тюркского каганата, но и за его пределами — по всей территории степной Евразии. Проведенные исследования будут способствовать воссозданию истории непосредственно Восточно-тюркского каганата в VI—VIII вв. как одного из наименее изученных государств в Южной Сибири и Центральной Азии.

Апробация результатов работы. Основные положения диссертации обсуждены на 8 международных, всероссийских и региональных кон-

ференциях: Екатеринбург (1999, 2001, 2005); Челябинск (2000); Уфа (2002); Казань (2004); Москва (ICANAS XXXVII, 2004); Санкт-Петербург (2004) и изложены в пяти научных работах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обоснована актуальность темы, определяются ее объект и предмет, территориально-хронологические рамки, формируются цели и задачи исследования, содержатся анализ методологической базы работы, ее научная новизна, апробация и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «Источники и историография» состоит из трех параграфов и посвящена обзору источников и литературы.

В **первом параграфе** рассматриваются основные этапы работы над переводами китайских исторических источников как отечественных, так и зарубежных исследователей. Их изучение началось еще в XVIII в. (Ж. Дегиня, Майя и др.). В первой половине XIX в. работу над переводами китайских источников продолжили А. Ремюз и Ю. Клапрот. Основу их трудов составляли китайские сводки и энциклопедии. В середине XIX вв. к этой теме обратились Н.Я. Бичурин, С. Жюльен, Е. Паркер и др. Первенство среди них принадлежит нашему отечественному синологу Н.Я. Бичурину (Иакинфу). В своей работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851) на фоне сведений о народах Центральной Азии, Южной Сибири, Маньчжурии, Кореи и Японии он отразил историю «дома Дулга» (восточного) с 535 по 745 г.

В XX в. для российских историков долгое время основополагающими являлись лишь две доступные работы, которые содержат переводы на русский язык извлечений из китайских первоисточников по истории восточных тюрков — это труд упоминаемого выше, выдающегося русского синоведа Н.Я. Бичурина (Иакинфа), переизданный в 50-е годы, и не менее известная работа Н.В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока», которую сам автор позиционировал как дополнение и уточнение «Собрания сведений...» Н.Я. Бичурина. Проведенный автором настоящего исследования сравнительный анализ исторических сведений о восточных тюрках в русских переводах как Н.Я. Бичурина, так и Н.В. Кюнера, ни в коем случае не умаляя достоинства их работ, позволяет согласиться с ранее отмеченной критикой в их адрес и выявить еще один немаловажный, на наш взгляд, недостаток, обусловленный характером жанра переводного сочинения. Он состоит в том, что, в основном, авторами

переведены главы только об иноземных народах. В то же время, многие ценные сведения, приведенные в других главах китайских исторических хроник, например, сведения о тюрках-туцзюэ в «Биографиях», выпали из поля зрения российских переводчиков.

В отличие от русских переводов китайских известий, характеризующихся стремлением к некоторому энциклопедизму — передаче сведений о достаточно большом числе народов, западноевропейские ученые, наоборот, стремились придать своим переводным работам специализированный характер, в частности, по истории тюрков-туцзюэ — С. Жульен, Э. Шаванн, Лю Маоцай. К сожалению, все они долгое время оставались недоступными в переводе на русский язык. В настоящем исследовании в результате авторского перевода полного текста труда Лю Маоцай с немецкого языка вводятся в научный оборот ставшие доступными китайские сведения.

История восточных тюрков в изложении германского востоковеда китайского происхождения Лю Маоцай отличается тем, что она посвящена конкретно восточным тюркам. Определенным преимуществом его работы является то, что в ее основу он положил не только подробное изложение китайских исторических (династийных) хроник, но дополнительно привлек переводы других видов источников: выдержки о восточных тюрках из имперских анналов, сведения о предводителях туцзюэ из Биографий, выдержки из буддийских источников, служебные и императорские письма, содержащие сведения о тюрках-туцзюэ. Необходимо отметить и то, что Лю Маоцай снабдил свой труд достаточно подробным Комментарием, практическое отсутствие которого в русских переводных работах являлось определенным недостатком. В результате перевода полного текста труда Лю Маоцай, в настоящей работе удалось привлечь ряд новых источников, которые ранее не использовались исследователями, изучающими данную проблематику.

Второй параграф посвящен исследованию еще одной группы письменных источников — древнетюркским руническим надписям. В параграфе описаны события конца XIX века, когда впервые были найдены рунические эпитафии в честь представителей высшей знати Восточно-тюркского каганата, и процесс их дешифровки, который привел к существенному пополнению исторических данных о государстве восточных тюрков.

Основными руническими памятниками, которые имеют прямое отношение к истории восточных тюрков, являются всего пять: надпись в честь Кюль-тегина; надпись в честь Бильгэ кагана или Могилян; надпись в честь Тоньюкука; Онгинская надпись и надпись в честь Куличора. Все они расположены в Северной Монголии, в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги и получили название «орхонские памятники». В жанровом отношении орхонские памятники принадлежат к ис-

торико-биографическим текстам. Особое внимание в параграфе уделяется также и тем исследователям-профессионалам, которые в результате изучения и дешифровки рунических текстов сделали их доступными в изучении данной проблематики. Таким образом, благодаря расшифровке рунических памятников и возможности их сопоставить с данными китайских исторических хроник, мы можем получить более полное представление об истории Восточно-тюркского каганата.

Третий параграф посвящен обзору историографии. В отечественной и зарубежной историографии по теме исследования предлагается выделить шесть этапов: 1-й этап — середина XVIII — конец XIX вв. В этот период изучение истории древних тюрков в России и в Европе находилось примерно в одинаковых условиях вплоть до конца этапа. Объектами изучения являлись, в основном, события политической истории, а также историческая география южно-сибирского региона (Ж. Дегинь, Н.Я. Бичурин, В.В. Григорьев и др.).

2-й этап — конец XIX — до 30-х гг. XX вв. Именно тогда происходит становление тюркологии как науки и выделение особого направления — тюркской филологии (В.В. Радлов, В. Томсен, Н.М. Ядринцев, Д.А. Клеменц и др.). Во многом это стало возможным благодаря находкам древнетюркских рунических памятников, а также их дешифровке.

3-й этап — 30-е — конец 50-х гг. XX в. В этот период происходят качественные изменения в исследованиях отечественных и зарубежных ученых и появляются принципиально разные научные подходы для изучения истории тюрков. Первоочередными вопросами для отечественной тюркологии стали вопросы общественного устройства тюркского общества, и это было связано с политическими событиями в нашей стране (1917—1918 гг.), с окончательной победой марксистской идеологии (Б.Я. Владимирцов, А.Н. Бернштам, С.Е. Малов и др.). В зарубежной тюркологии особое внимание, в противовес отечественной, заняли частные стороны изучения тюркской истории: социальные процессы внутри кочевого общества, экономическое развитие, система управления и власти, тюркская филология (О. Латтимор, П. Аалто, Ж. Клосон, А. Габэн и др.). В этот период также начинают проводиться археологические изыскания в регионе расселения древних тюрков — Южной Сибири (С.А. Теплоухов, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашёва, Л.Р. Кызласов и др.).

4-й этап — конец 50-х — до конца 80-х гг. XX вв. В этот период наблюдается особый интерес к археологическому изучению памятников. Организуются археолого-этнографические, фольклорные экспедиции сразу нескольких научных учреждений. Появляются первые публикации археологических экспедиций, которые вносят серьезные коррективы в изучение древней истории Восточно-тюркского каганата. Главное достижение этого периода — сравнение археологического материала

ла с данными письменных источников. Все чаще появляются работы, которые носят характер комплексных, когда исследование ведется по двум направлениям — анализу археологических и письменных источников (С.И. Вайнштейн, А.Д. Грач, А.А. Гаврилова, Л.Р. Кызласов, Б.Б. Овчинникова, Д.Г. Савинов, Ю.И. Трифонов, Ю.С. Худяков и др.).

5-й этап — конец 80-х г. XX — нач. XXI вв. отмечается относительной либерализацией в исторической науке. Появляется плюрализм научных мнений (И.Л. Кызласов, С.Г. Кляшторный, В.Д. Кубарев, Д.Г. Савинов, Ю.С. Худяков, Т. Барфилд и др.). Новый взгляд на изучение истории древних тюрков с применением современных научных знаний и методов исследований, по мнению автора настоящей работы, — задача, которая стоит на современном этапе изучения истории Восточно-тюркского каганата.

Вторая глава «Образование Восточно-тюркского каганата: предпосылки и формирование».

В возникновении любого государственного образования ключевое значение имеют два понятия — пространство и время. К пространственным предпосылкам можно отнести географические, природно-климатические, ландшафтные особенности территории, а также демографические, экономические факторы. Из истории известно, что любое государство формируется в определенных границах. Существуют политические, которые являются результатом проводимой политики, но, кроме того, и естественные границы, географические, которые более устойчивы, чем первые. Для того чтобы определить границу Восточно-тюркского каганата, необходимо обратиться к географии этой территории, так как известно, что расширение и развитие государства происходят, как правило, в границах природного ландшафта.

Географическими границами территории Восточно-тюркского каганата являлась Южная Сибирь и северные окраины Центральной Азии. Регион ограничен на востоке южной частью Большого Хингана и хребта Тайханшань, что соответствует письменным источникам. На юго-западе — Монгольский Алтай и Гобийский Алтай. На западе и севере граница проходит по горным хребтам Восточного Казахстана, Алтая, Западного и Восточного Саян.

Географически видно, что многочисленные хребты, окружающие Восточно-тюркский каганат, были одновременно естественной защитой от нападений соседних государств и племен, но также и препятствием для внешних связей. Контакты осуществлялись через систему дорог «Великого Шелкового пути». Тот, кто имел контроль над этой территорией, имел контроль над международной торговлей. В разные периоды истории это удавалось не всем кочевникам, а лишь только степным хунну и Тюркскому каганату, следствием которых было создание мощных централизованных государств, потому что осуществление контро-

ля требует колоссальной мобилизации сил, как военной, так и политической. Возможно, отчасти, именно этим следует охарактеризовать цикличность развития степных обществ на территории Южной Сибири и северных окраин Центральной Азии в противовес климатическим изменениям на данной территории, которые обосновал в своих работах Л.Н. Гумилев.

Важным фактором в предпосылках формирования и развития государства является наличие полезных ископаемых. В данном регионе наибольшее значение имеют месторождения каменного угля, а также залежи железных руд. Особенно богата полезными ископаемыми территория Тувы. Современные центры разработки полезных ископаемых часто совпадают с древними центрами металлургии тюрков-туцзюэ, по данным археологических источников.

Таким образом, площадь Восточно-тюркского каганата представляет собой территорию, местонахождение которой уникально. Нигде больше на земле данный природный ареал не повторяется, и потому средневековая история Восточно-тюркского каганата — это развитие особых территориально-хозяйственных форм.

Уникальность региона влечет за собой уникальность Восточно-тюркского каганата относительно соседних государств — Китая, Тибета, Ирана, Византии и т.д. И сравнение уровня их культурно-исторического развития, которое очень популярно в науке в сопоставлении кочевых и оседлых культур, будет методологически неправильным, так как они абсолютно равнозначны и ведут свое развитие параллельно.

Период возникновения Восточно-тюркского каганата был связан с эволюцией степных политических образований в I тыс. н.э. — это закономерное историческое развитие предыдущих степных государств: империя Хунну, Тюркский каганат.

Особый интерес представляет политика тюркских каганов в начальный период истории Тюркского каганата, когда идет становление и формируются стратегически важные направления внешней и внутренней политики Восточно-тюркского каганата, который стал наследником восточной части Тюркского каганата. Общий курс этой политики можно охарактеризовать как борьбу за стабильный и подконтрольный регион Южной Сибири и северных окраин Центральной Азии.

При рассмотрении политики тюркских каганов в период становления государства становится очевидной значительная роль тюрков не только в создании своего государства, но и в становлении китайской государственности. Вероятно, Восточно-тюркский каганат и Китай были необходимы друг другу в политическом и экономическом отношении, а эффективность их сотрудничества могла явиться отражением баланса сил. Именно такое постоянное взаимодействие трех государств: Северная Чжоу (556–581 гг.), Северная Ци (550–577 гг.), Тюркский ка-

ганат (545–581 гг.) и привело к созданию двух централизованных государств: Восточно-тюркского каганата и династии Суй в Китае.

Третья глава «Социально-политическая организация Восточно-тюркского каганата» состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен политической структуре Восточно-тюркского каганата.

Непосредственно история Восточно-тюркского каганата начинается с периода правления Табо кагана (573–581 гг.), когда в результате территориально-административной реформы произошло разделение Тюркского каганата на Западный и Восточный.

В истории Восточно-тюркского каганата (581–745 гг.) можно выделить три этапа. Первый этап – (581–630 гг.), в котором расцвет государства пришелся на период правления Шиби кагана (608–619 гг.) и Сяли кагана (прим. 620–634 гг.). Этот этап закончился поражением Сяли кагана (620–634 гг.) от китайских войск в 630 г. Второй этап (630–679 гг.), по общепринятому мнению, являет собой период подчинения восточных тюрков Китаю. Однако, согласно письменным источникам, в это время происходили события, которые помогают по-новому взглянуть на политическую ситуацию. На ней хотелось бы остановиться особо. Данный период истории Восточно-тюркского каганата совпал со временем правления китайских императоров Тай-цзуна (627–649 гг.) и Гао-цзуна (650–683 гг.) династии Тан.

Именно в этот период – 630–679 гг. во многих исследованиях традиционно прерывается развитие Восточно-тюркского государства и не уделяется должного внимания тем событиям, которые происходили в это время. Сразу после восшествия на престол китайский император Тай-цзун провозглашает политику восстановления экономики Китая и увеличения численности населения. Известно, что в последние годы династии Суй много китайцев переселилось в Восточно-тюркский каганат. Китайские источники сообщают, что после поражения Сяли кагана в 630 г. в Китай было возвращено 1 млн. 200 тыс. человек, включая 100 тыс. тюрков, изъявивших желание принять вассальную зависимость. Но уже в 631 г. Тай-цзун «с помощью золота и шелков выкупил 80 тыс. китайских мужчин и женщин и вернул им домашнее имущество». Кажется, тюрки были побеждены в 630 г. и не представляли собой угрозу, но, по сведениям источника, в 631 г. Китай выкупает своих жителей. Этому может быть следующее объяснение: Восточно-тюркский каганат все еще представляет собой грозную политическую силу, с которой легче договориться с помощью золота и шелков, чем вступать в военный конфликт, либо не все китайцы согласились вернуться в Китай по собственной воле и отдали предпочтение остаться на территории Восточно-тюркского каганата, а значит и степному образу жизни. В любом случае, тюркское государство выступает как единая политическая

сила, кроме того, и в роли своеобразного конкурента Китая. Вероятно, в большей степени это конкуренция различных типов территориально-хозяйственных форм (степной — оседлый). И в данном случае не понятно, какой из них является предпочтительным. После военного ослабления Восточно-тюркского каганата Китай пытается перехватить инициативу и взять под контроль международную торговлю. И на время это удается императору Тай-цзуну. На наш взгляд, данный контроль требовал слишком много сил и затрат на обеспечение безопасности торгового пути, поэтому Китаю удобней было использовать восточных тюрков в качестве торговых партнеров и поддерживать с ними дружественные отношения, чем создавать целую инфраструктуру. Покушение на жизнь императора Тай-цзуна в 639 г. со стороны родственников восточно-тюркского кагана привело к тому, что император публично признал провал своей внешней политики и расселение восточных тюрков во внутренних землях Китая. Тем самым император Тай-цзун дал ответ на вопрос о том, что на данной территории предпочтительным являются две формы политической организации — степное и оседлое государства, которые выполняли свои функции, и их сосуществование было выгодным для обоих. После этих событий, как гласят китайские источники, император Тай-цзун повелел тюркам вернуться в свои исконные места обитания. Скорее всего, это решение было также формальным и лишь узаконило начавшийся задолго до этого исход тюрков в прежние места кочевий. По сути, к 639 г. все вернулось на свои места: восточные тюрки снова владели своей территорией, при этом большое количество тюрков проживало в Китае, занимали высшие должностные чины. В 639 г. во главе Восточно-тюркского каганата стал Ашина Сымо (ум. в 645 г.) В этот период каганат не вел активную внешнюю политику, это был период равенства в отношениях с Китаем. Китай в это время вел военные кампании против Кореи и ему нужен был партнер на севере, а не враг. Следующим каганом был Цюйби каган, который проводил активную политику по отношению к Китаю. Из источников известно, что в 647 г. восточные тюрки еще контролировали пути в Китай и имели для этого необходимые силы. В 650 г. Цюйби каган был захвачен китайцами, и вместо казни он снова был отпущен и, более того, отправлен в Отокен, исконно тюркские земли. На этих же территориях Китай учредил два наместничества — Шаньюй-духуфу и Ханьхай-духуфу, которые были также формальными. Позже именно в Шаньюй-духуфу в 679 г. начались волнения восточных тюрков, что привело к усилению каганата, и он снова стал проводить активную внешнюю политику. Таким образом, необходимо отметить, что второй этап — 630—679 гг. был периодом ослабления Восточно-тюркского каганата, однако каганат продолжал выступать как самостоятельное государство, проводил свою политику. Тактику обоих государств — Восточно-тюркского кага-

ната и Китая — в эти годы можно обозначить как оборонительную, а характер отношений соответствовал мирному сосуществованию. Примерно до 650 г. шла борьба восточных тюрков с Китаем и соседними племенами. А 650–679 гг. — это период политического равенства, но, возможно, именно в это время создавались предпосылки для усиления Восточно-тюркского каганата в 679 г.

Третий этап (679–745 гг.) — период возвышения и упадка Восточно-тюркского каганата. Это время правления Гудолу кагана (682–692 гг.), Мочжо (692–716 гг.), Бильгэ кагана (до 734 г.), когда Восточно-тюркский каганат достиг наибольшего могущества. Но оно было не долгим, и в 745 г. Восточно-тюркский каганат был подчинен уйгурами.

Существуют различные причины распада Восточно-тюркского государства, обусловленные внешними и внутренними факторами. Основной внешней причиной является потеря контроля над торговыми путями. Из письменных источников известно, что уйгуры примерно с конца 40-х г. VII в. начинают вести активную внешнюю политику и все чаще противопоставляются восточным тюркам в китайских хрониках. К 745 г. уйгуры уже были настолько сильны, что смогли захватить и объединить под своей властью территории восточных тюрков, а значит и торговые пути. Скорее всего, политическая инициатива уйгурами была перехвачена гораздо раньше, а в 745 г. произошло ее оформление. Распаду государства способствовали и активные завоевательные походы тюркских каганов в первой половине VIII в., которые также могли нанести ущерб экономике Восточно-тюркского каганата. Одной из внешних причин также можно назвать усиление роли морских путей в контактах между Западом и Востоком. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко, усиление этого процесса наряду с политическими факторами привело к угасанию в VIII в. активной торговой деятельности на Шелковом пути.

К внутренним причинам распада Восточно-тюркского каганата следует отнести особенность удельно-лестничной системы наследования власти и полигамию, когда на протяжении всей истории тюркского государства шла постоянная внутривластная борьба за власть, что, естественно, ослабляло государство, и оно стало уязвимым в 745 г. перед уйгурами.

По представлениям древних тюрков-туцзюэ, средоточием тюркской государственности, лицом, воплощавшим в себе государство, являлся каган, точнее, правящая династия каганов. В управлении государством кроме кагана также участвовали многочисленные сородичи, прежде всего члены правящего каганского рода, и создаваемый им аппарат управления. Они подразделялись на четыре группы: родичи; союзные кагану племена и народы; чиновники-администраторы, которые размещались справа от кагана; чиновники-администраторы, которые раз-

мещались слева от кагана. По сведениям китайских источников, основной штат чинов древнетюркского государства включал 28 единиц. Эти должности подразделялись на две неравные группы: высшие чиновники (5 человек) и прочие (23 человека). Итак, к числу высших чиновников, сановников относились ябгу, шады, тэлэ (тегин), сылифа и тутунфа. Прочие 23 должностных лица относились, по китайской или тюркской классификации, к младшим чиновникам. Все должностные были наследственными. Таким образом, каган не занимал исключительного положения, его сородичи из рода Ашина претендовали на свою долю власти и добивались ее, становясь пусть малыми, но каганами. Как испытанная форма управления, в более поздний период в Восточно-тюркском каганате также сохранялось разделение на центр, восточную и западную части государства. Верхний эшелон власти включал помимо верховного кагана малых, вторых и иных каганов, ябгу и шадов, людей из клана Ашина, высших сановников, управлявших покоренными нетюркскими племенами, — наместников (тутуки), и, наконец, глав союзных тюркских племен с титулами сылифа и сыцинь. Таким образом, Восточно-тюркский каганат имел во главе своего государства верховного правителя — кагана, который обладал всей полнотой власти. Ему в управлении помогал обширный административный аппарат — многочисленные высшие и низшие чиновники, родственники. Каганат был разделен на военно-административные единицы, в которых правили младшие каганы — родственники кагана. Тем самым обеспечивалась стабильность в управлении каганатом.

Во **втором параграфе** получили освещение вопросы, связанные с социальной организацией тюрков-туцзюэ, которая имела весьма сложный характер. Высший уровень общественной организации также занимал каган и его родственники (клан Ашина). Следующую ступень занимали представители других знатных кланов, племенные вожди, служилая знать — беги. Далее располагалась самая многочисленная социальная группа общества — простые экономически независимые кочевники-скотоводы — бодун. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории: обедневшие номады, полуассальное оседлое население, военнопленные данники, занимавшиеся земледелием и ремеслом, а также рабы. Привлечение методов социальной стратификации в изучении древнетюркского общества показало, что мы можем говорить о различных социальных группах людей в тюркском обществе: группы власти, группы административных руководителей, группы творческих работников, группы, занятые в сфере семейной экономики и индивидуально-трудовой деятельности.

Восточно-тюркский каганат имел степную природу государства. К функциям степного государства следует отнести: потребность обеспечения самых необходимых условий сохранения общества (оборону стра-

ны); функцию интеграции в мировую экономику, социальные функции, обеспечения законности и правопорядка, что и соответствует развитию Восточно-тюркского каганата. Хотелось бы отметить, что, благодаря своему уникальному и выгодному географическому положению, наибольшее значение в оформлении Восточно-тюркского каганата, по мнению автора, имели экономические тенденции, которые являлись движущей силой в образовании и развитии данного государства. Таким образом, в Восточно-тюркском государстве имелись все признаки государства: аппарат управления, наличие права, определенная территория, религия, письменность, а также налогообложение.

С уверенностью можно говорить о полноценном обществе восточных тюрок, имеющем очень много схожего с современным обществом. Применяв те или иные критерии, мы можем говорить о различных социальных группах в тюркском обществе: 1) группы власти, различающиеся объемом этой власти (группы высшего, среднего и низшего уровней в соответствующих иерархиях управления) (каган, младший каган и др.); 2) группы хозяйственных руководителей, различающиеся рангом власти (руководители объединений и подразделений, административных единиц) (шад, ябгу, тутук и др.); 3) группы, различающиеся профилем занятости (например, творческие работники и др.); 4) группы, занятые в сфере семейной экономики и индивидуально-трудовой деятельности (бодун); 5) деклассированные элементы (рабы, обедневший бодун).

Таким образом, Восточно-тюркский каганат представлял собой государство со всеми присущими для него признаками и функциональными обязанностями. Восточные тюрки представляли собой социальное общество с характерными для него законами развития и эволюции, а также столкновениями интересов внутри самого общества, на становление которого повлияли как внешние, так и внутренние факторы.

Четвертая глава «Экономическая система Восточно-тюркского каганата» содержит два параграфа.

В первом параграфе рассматривается развитие внутренних отраслей экономики. На основе современных научных экономических знаний выясняется принадлежность древнетюркской экономики с позиции особенностей материально-технической и организационно-хозяйственной структуры экономики, то есть с позиций ее хозяйственного механизма.

Основой хозяйства было кочевое скотоводство, но некоторая часть населения жила оседло и занималась земледелием. Важность занятия скотоводством для Восточно-тюркского каганата очевидна. Сущностью скотоводства является кочевка по сезонным циклам. В зависимости от природно-климатических условий могут различаться способы ве-

дения кочевого скотоводства. Однако основные черты скотоводческого хозяйства мало изменились с течением времени.

Кочевое скотоводство пронизывало всю экономику тюркского государства, было его экономическим базисом. Из фрагмента династических хроник следует, что тюрки-туцзюэ вели традиционный для кочевников-скотоводов образ существования. Состав стада был классическим для кочевников этой территории и включал все шесть основных видов разводимых номадами животных, а именно: лошадь, коза, овца, собака, свинья и курица, т.е. скот шести видов. Из всех видов домашнего скота лошадь имела для кочевников самое важное экономическое и военное значение. Разведение лошадей, являющихся многофункциональным видом скота, оказало огромное положительное воздействие на хозяйство, культуру и быт народа. Содержание лошадей имело большое значение, прежде всего, в совершенствовании пастбищного скотоводства.

Известно, что многочисленными среди домашних животных в хозяйстве тюрков были и овцы, обеспечивавшие людей жизненно необходимыми продуктами. Продукты скотоводства снабжали тюрков-туцзюэ всем необходимым — это и продукты питания и средства передвижения и т.д. Успешное ведение производственного процесса скотоводства было вопросом существования древних тюрков. Однако отметим, что особая ценность продуктов скотоводства (в большей степени лошади) была характерна не только для кочевых народов, а также и для оседлых, например, для Китая.

Ограниченность информации о самом главном занятии тюрков-туцзюэ, скотоводстве, непонятна. За столь незначительным упоминанием в источниках скрывается целая индустрия, которая пронизывала все слои общества, а также быт и экономику Восточно-тюркского государства.

Заметим, что в Восточно-тюркском каганате некоторая часть населения вела оседлый и полуоседлый образ жизни и занималась земледелием, специализируясь на производстве сельскохозяйственных продуктов, что подтверждается археологическим материалом, найденным в Туве и на Алтае. Это были гранитные жернова ручных мельниц, положенные умершим женщинам, и остатки зерен проса, в мужских могилах. Из пашенных орудий древних тюрков-туцзюэ применялись деревянные плуги с железными сошниками.

Кроме скотоводства и земледелия в хозяйственной деятельности племен тюрков-туцзюэ большое значение имела металлургия, основанная на умении добывать и плавить железо и изготавливать из него различные предметы вооружения и быта. Горным делом и металлургией занимались в основном на территории современной Тувы и Алтая, которые в силу природных условий были богаты необходимыми полез-

ными ископаемыми. Известны значительные по масштабам для Восточно-тюркского каганата горные выработки железных руд. Занятие рудным и железообрабатывающим промыслом приводило к усилению производственной дифференциации, оформлению ремесел, развитию обмена и частной собственности. Отделение ремесел от земледелия, по мнению Л.Р. Кызласова, привело металлургов и кузнецов к созданию специализированных обособленных поселений и даже целых производственных районов. Развитие ремесла у древних тюрков достигло высокого уровня. Особым мастерством тюрки славились при обработке цветных металлов — бронзы, серебра, золота. Изделия древнетюркских кузнецов-ювелиров пользовались большим спросом и были известны далеко за пределами государства. Художественный металл — это развитый вид декоративного творчества у древних тюрков, который отличался многообразием технических приемов.

Таким образом, можно суммировать, что черная и цветная металлообработка у восточных тюрков была для своего времени на столь высоком уровне, что порой объемы этого производства свидетельствуют о том, что металлургия являлась вторым по значимости занятием после скотоводства, а в некоторых районах даже опережала земледелие, охоту и скотоводство.

Во **втором параграфе** отражены торговые отношения Восточно-тюркского каганата, которые сыграли важную роль в развитии и усилении государства. Восточно-тюркский каганат продолжил направление внешней торговой политики, заложенное еще Тюркским каганатом (545–581 гг.), — ориентацию на Китай, а также на ряд государств Средней Азии.

Выше были представлены главные внутренние отрасли хозяйства древних тюрков, что позволяет сделать вывод, что основные товары, которые могли быть выставлены на продажу-обмен следующие: продукты кочевого скотоводства — лошади, овцы и все связанные с ними товары, а также изделия из черных и цветных металлов.

Как потребители восточные тюрки особо не нуждались в продуктах земледельческого Китая, поэтому они предпочитали в качестве денежного эквивалента принимать куски шелка. Известно, что шелк в хозяйстве тюрков-туцзюэ не употреблялся, это был предмет роскоши, а значит, не имел широкого применения. Незначительную часть шелка тюрки использовали для одежды, остатки которой обнаружены археологами в погребениях древних тюрков Саяно-Алтая. Однако основная часть шелка использовалась для дальнейшего обмена на территории Средней Азии с целью извлечения прибыли.

В роли производителя Китай мог предложить Восточно-тюркскому каганату шелк, продукты земледелия и некоторые предметы роскоши. В роли потребителя Китай выступал колоссальным рынком сбыта для Восточно-тюркского каганата, в частности, тюркских лошадей. О

наличии спроса на отдельные виды товаров (лошадей) с китайской стороны сообщают письменные источники. Ценным источником по истории экономических отношений, а также и политических между Китаем и Восточно-тюркским каганатом является переписка китайского императора и тюркского кагана. В этих письмах во всей полноте отражается сложный процесс экономических взаимоотношений двух государств. Таким образом, Китай как рынок сбыта представлял собой огромный интерес для реализации своей продукции не только для Восточно-тюркского каганата, но и других степных объединений, поэтому на протяжении всей истории древнетюркского государства можно наблюдать конкурентную борьбу тюрков-туцзюэ за Китай и другие рынки сбыта, в частности, Среднюю Азию и Византию.

Важное значение для экономики и повышения роли Восточно-тюркского каганата имели обширные экономические связи и контакты на «Великом Шелковом пути». Контроль над транзитами «Великого Шелкового пути» позволил восточным тюркам достичь не только политического, но и экономического могущества, т.к. в их руках оказалась торговля шелком и предметами роскоши.

Нельзя согласиться с существующей точкой зрения о том, что торговля во многом определялась именно тюркской стороной (Л.Н. Гумилев и др.). Сомнение вызывает «навязывание» этой торговли другим соседним государствам, когда по данным письменным источникам просматривается взаимовыгодное сотрудничество.

На основе данных китайских письменных источников и археологических материалов, а также рассмотрев внутренние отрасли и внешнюю торговлю Восточно-тюркского каганата, можно выдвинуть общую концепцию экономического развития древнетюркского государства на территории Южной Сибири и северных окраин Центральной Азии: Восточно-тюркский каганат, Китай и соседние государства выступают в роли партнеров, и их существование в данном регионе является взаимовыгодным сотрудничеством.

В материально-техническом отношении Восточно-тюркский каганат представлял собой доиндустриальную экономику. Однако для своего периода (середина VI – середина VIII вв.) можно отметить высокий уровень материальной культуры древних тюрков. В основном это связано с широким распространением черной и цветной металлургии и кузнечного дела.

С точки зрения организационно-хозяйственной структуры Восточно-тюркский каганат можно отнести как к традиционной, так и к переходной рыночной экономической системе. К традиционной следует отнести наличие в государстве древних тюрков совокупность натуральных хозяйств, основную массу продукции в которых производят для собственного потребления, а не для продажи. Кроме того, в Восточно-

тюркском каганате можно отметить наличие семейных и крупных хозяйств аристократии, а также наличие общественного разделения труда, подтверждение которому также имеется в письменных источниках. К сожалению, по письменным источникам трудно оценить, каким образом в Восточно-тюркском каганате определялись объемы потребностей производства. Были они обусловлены традициями, привычками, семейными отношениями или рыночными механизмами? В этой связи важным источником является переписка китайского императора и тюркского кагана. Согласно их свидетельствам, можно говорить о рыночных механизмах регулирования объемов продаваемой продукции, а также о конкуренции среди производителей. Таким образом, во внешней торговле письменные источники дают нам яркие подтверждения наличия рыночных механизмов ведения экономики. Главной причиной обнаружения таковых во внутренних отраслях древнетюркской экономики является отсутствие источников. Несмотря на это, следует отнести экономику Восточно-тюркского каганата к переходному этапу от традиционной к рыночной экономической системе. Кроме того, дополнительным признаком рыночной экономики является государственное вмешательство в хозяйственные процессы, и подтверждением этому служит вся история Восточно-тюркского каганата с 581 по 745 г., когда на протяжении всего периода существования каганат активно отстаивал интересы своего государства и успешно проводил внешнюю и внутреннюю политику.

В заключении диссертации подведены итоги исследования.

1. Восточно-тюркский каганат был крупным степным государством в Южной Сибири и северных окраинах Центральной Азии. Основной предпосылкой складывания государственности у тюрк-туцзюэ являются природно-климатические особенности данного географического региона. С географической точки зрения — Восточно-тюркский каганат — это развитие особых территориально-хозяйственных форм. Кроме того, Восточно-тюркский каганат находился на территории, по которой осуществлялись контакты через систему дорог «Великого Шелкового пути», и контроль над ними требовал колоссальной мобилизации сил, как военной, так и политической, что явилось следствием создания мощного централизованного государства. Возникновение Восточно-тюркского каганата с начала I тыс. н.э. связано с эволюцией степных политических образований, таких как империя Хунну и Тюркский каганат, из чего следует, что Восточно-тюркский каганат — это закономерное историческое развитие предыдущих политических объединений.

2. В истории Восточно-тюркского каганата (581–745 гг.) можно выделить три этапа. Первый этап (581–630 гг.) связан с периодом усиле-

ния государства и его расцветом. Второй этап (630—679 гг.) — период ослабления Восточно-тюркского каганата, но он выступал как самостоятельное государство и проводил свою политику, а характер отношений с Китаем соответствовал мирному сосуществованию. Третий этап (679—745 гг.) — период возвышения и упадка Восточно-тюркского каганата.

3. Социальная структура тюрков-туцзюэ имела сложный характер. Высший уровень общественной структуры занимал каган и его родственники (клан Ашина). Следующую ступень занимали представители других знатных кланов, племенные вожди, служилая знать. Далее располагалась самая многочисленная социальная группа общества — простые экономически независимые кочевники-скотоводы. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории: обедневшие номады, полуваассальное оседлое население, военнопленные данники, занимавшиеся земледелием и ремеслом, а также рабы.

4. Восточные тюрки представляли собой общество, внутри которого происходили те же самые механизмы регулирования и социальные законы, которые мало чем отличаются и от современного общества. Как известно, государство — это более высокая ступень организации общества, оно преследует определенные цели и выполняет свои функции. Функции государства и их содержание обусловлены, в основном, следующими факторами: 1. Потребностью обеспечения самых необходимых условий сохранения общества (оборона); 2. Сущностью государства, его природой (у Восточно-тюркского каганата степная природа государства); 3. Целями и задачами государства (цели — создать мощное и сильное государство, а задачи — захватить и удержать территорию, взять под контроль экономические процессы, упорядочить социально-политические отношения внутри государства). С уверенностью можно сказать, что все вышеперечисленные признаки имелись и в государстве восточных тюрков. Кроме того, это и система органов и учреждений (механизм государства), наличие права, определенная территория. Таким образом, Восточно-тюркский каганат представлял собой государство со всеми присущими для него признаками и функциональными обязанностями.

5. Экономическая структура Восточно-тюркского каганата была многоотраслевой и представляла собой сложный хозяйственный процесс. Именно экономическая составляющая была одной из главных причин могущества каганата. Важную роль в развитии и усилении Восточно-тюркского каганата сыграли торговые отношения с соседними государствами. На основе проведенного анализа данных письменных и археологических источников можно выдвинуть общую концепцию экономического развития древнетюркского государства на территории Южной Сибири и северных окраин Центральной Азии. Согласно этой

концепции, Восточно-тюркский каганат, Китай и соседние государства выступают в роли партнеров, и их существование в данном регионе является взаимовыгодным сотрудничеством.

6. Основной причиной распада каганата является потеря контроля над торговыми путями. Распаду государства способствовали и активные завоевательные походы тюркских каганов в первой половине VIII в., которые также могли нанести ущерб экономике Восточно-тюркского каганата. Одной из причин также можно назвать усиление роли морских путей в контактах между Западом и Востоком, т.к. усиление этого процесса наряду с политическими факторами привело к угасанию в VIII в. активной торговой деятельности на Шелковом пути, а значит, и могущества восточных тюрков.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. *Ганиев Р.Т.* Лю-Мао Цай о тюрках ту-кю // Орел шестого легиона: Тез. докл. студ. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию ист. фак. УрГУ. – Екатеринбург, 1999. С. 30–34 (0,3 п.л.).

2. *Ганиев Р.Т.* Китайские источники по истории восточных тюрков в изложении Лю Мао-Цая // Научно-информационный вестник истории и этнографии татарского населения Урала. № 1 / Бюллетень «Образовательные учреждения Урала». Выпуск 10. Екатеринбург, 1999. С. 97–103 (0,4 п.л.).

3. *Овчинникова Б.Б., Ганиев Р.Т.* Лю Мау-Цай о тюрках-тугю (Тукюе). Приложение Лю Мау-Цай. Китайские источники по истории восточных тюрков (Тукюе). Комментарий Лю Мау-Цая к первой части // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии // Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии» / Под ред. А.А. Бурханова. Вып. 4. Казань, 2004. С. 25–54 (1,7 п.л.).

4. *Ганиев Р.Т., Овчинникова Б.Б.* Лю Мау-Цай о тюрках-тугю (Тукюе) // XXXVII Международный конгресс востоковедов (ICANAS XXXVII): Тезисы. М., 2004. С. 832–834 (0,3 п.л.).

Подписано в печать 18.05.2006 г. Формат 60 x 84/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,5.

Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

